

Мотоцикл с ревом вырвался за пределы Окраины, унося белокурого паренька и темноволосую девушку прочь от оставшегося позади ужаса.

В лицо пареньку, крутясь, летели дым и пыль, он остро чувствовал запах крови и собственного взмокшего от страха тела. Девушка, дрожа, прижималась к нему. Они мчались к мосту, но фара у мотоцикла была разбита, и парнишка правил наугад, с трудом ориентируясь в сочившемся сквозь клубы дыма тусклом фиолетовом сиянии. В горячем воздухе тянуло гарью, повсюду чувствовался запах тяжелого боя.

Мотоцикл подпрыгнул, и мальчик понял, что они въехали на мост. Бетонные обочины сузились, он сбавил скорость и свернул, чтобы разминуться с колпаком, потерянном, должно быть, одной из тех машин, что недавно промчались на другой берег, в Инферно. То, чему ребята стали свидетелями несколько минут назад, не шло у них из головы, и девочка со слезами на глазах часто оглядывалась, повторяя имя брата.

«Почти проскочили, — подумал парнишка. — Прорвемся! Про...»

Прямо перед ними в дыму неожиданно что-то появилось.

Парнишка тормознул и начал вырывать вбок, но понял: времени слишком мало. Столкнувшись с возникшей на дороге фигурой, мальчик потерял управление. Он выпустил руль, почувствовал, что девушка тоже сле-

тела с мотоцикла, потом перекувырнулся в воздухе и заскользил, немилосердно обжигаемый трением.

Он лежал, свернувшись клубком, хватая ртом воздух, и, стараясь не потерять сознания, думал: «Бормотун. Бормотун... заполз на мост... и мы на него наскочили».

Мальчик попытался сесть, однако он был еще слишком слаб. Левая рука ныла, но пальцы двигались — хороший признак. В груди болело так, словно он наглотался осколков бритвы, а еще хотелось спать — закрыть бы глаза и плюнуть на все... Но мальчик не сомневался: тогда уж он точно больше не проснется.

Запахло бензином, и парнишка сообразил, что у мотоцикла пробит бак. Через пару секунд раздался взрыв, замерцало оранжевое пламя. На землю с грохотом посыпались куски металла. Задыхаясь, он встал на колени и в свете огня увидел девушку, лежавшую на спине примерно в шести футах от него, разбросав руки и ноги, как сломанная кукла. Рот ей заливала кровь, текшая из нижней разбитой губы, на щеке красовался багровый синяк. Но девушка дышала, и, когда прозвучало ее имя, веки затрепетали. Мальчик попытался приподнять ей голову, но нащупал какой-то желвак и решил, что лучше пока не трогать.

А потом он услышал шаги, стук башмаков: один цокал, второй шаркал.

С бешено бьющимся сердцем мальчик вскинулся. Со стороны Украины к ним кто-то ковылял. На мосту горели ручейки бензина, но существо двигалось сквозь огненные потоки, не останавливаясь, не замечая, как тлеют отвороты джинсов. Оно было горбатое — нелепая, злая пародия на человека, — а когда подошло поближе, мальчик увидел полный зубов-иглок, искаженный кривой ухмылкой рот.

Парнишка попытался загородить девушку своим телом. Шаги приблизились: цок-шарк, цок-шарк. Мальчик привстал, чтобы дать отпор, но боль пронзила его насквозь, не давая вздохнуть, и он опять повалился на бок, чуть дыша.

Добравшись до них, горбатое ухмыляющееся существо остановилось и уперло взгляд себе под ноги. Потом пригнулось, и над лицом девушки скользнула рука с металлическими зазубренными ногтями.

Силы оставили мальчика. Металлические когти вот-вот разmozжат девушке голову, сдерут мясо с костей — он и глазом не успеет моргнуть.

И парнишка понял, что в эту долгую страшную ночь спасти ей жизнь может только одно...

ГЛАВА 1

РАССВЕТ

Вставало солнце. В призрачных дрожащих волнах жаркого марева расплзались по норам ночные твари.

Пурпурный свет обзавелся оранжевым отливом. Тускло-серый и уныло-коричневый оттенки отступали под натиском густо-малинового и желтизны жженого янтаря. От напоминавших печные трубы кактусов и высокой, до колен, полыни протянулись лиловые тени, а на грубо обтесанных глыбах словно засветилась алая боевая раскраска апачей. Отблески утра смешались и растеклись по канавам и трещинам в неровной шероховатой земле, заискрились румяной бронзой в узкой извилистой ленте Снейка.

Когда свет начал набирать силу и от песков пустыни поплыл едкий запах зноя, мальчик, спавший под открытым небом, разлепил глаза. Тело одеревенело; несколько минут паренек лежал, глядя, как безоблачная высь заполняется золотом, и вспоминал сон — что-то про отца, пьяно выкрикивавшего его имя, с каждым разом коверкая все сильнее, пока оно не стало походить на ругательство. Как правило, сны мальчика нельзя было назвать хорошими, а уж те, в которых куражился его отец, и подавно.

Парнишка сел, подтянув колени к груди, опустил на них острый подбородок и стал смотреть, как над зубчатыми кряжами, далеко на востоке, за Инферно и Окраиной взрывается солнце. Восход всегда ассоциировался у него с музыкой, и сегодня он услышал неистовый гро-

хот воющей в полную силу гитары-соло из «Iron Maiden»¹. Ему нравилось здесь спать, пусть даже затекали мышцы, ведь он любил одиночество и краски раннего утра в пустыне. Через пару часов, когда солнце начнет припекать всерьез, пустыня станет пепельной и, ей-ей, можно будет услышать, как шипит воздух. Если в середине дня не найти тени, Великая Жареная Пустота испечет твои мозги, превратив их в шелестящую золу.

Но пока хорошо: воздух остается мягким и все сохраняет иллюзорную красоту — пусть это и ненадолго. В такие моменты мальчику удавалось представить себе, будто он проснулся за тридевять земель от Инферно.

Парнишка сидел среди тесно нагроможденных камней, на плоской верхушке большого валуна, своими округлостями напоминавшего кресло-качалку. Валун густо покрывали нанесенные краской из баллончика граффити: непристойные рисунки и лозунги вроде «Хрен в зубы гремучкам». Все это скрыло от глаз остатки индейских пиктограмм трехсотлетней давности. Валун стоял на вершине холма высотой в сотню футов, заросшего жесткой щетиной из кактусов, мескито и полыни. Обычно мальчик спал именно здесь — с этой выгодной позиции были четко видны границы его мира.

На севере отчетливо чернела прямая полоска: это шоссе под номером 67, появившись из техасских равнин, как бы срезало у Инферно бок, на две мили превращаясь в Репаблика-роуд, пересекало мост через реку Снейк и, миновав убогую Окраину, снова становилось трассой под тем же номером, чтобы исчезнуть на юге, где среди раскаленной пустыни высились горы Чинати. Насколько хватало глаз, на дороге ни души, только над валявшейся у обочины падалью — броненосцем, песчаным кроликом или змеей — кружили стервятники. Птицы то и дело плавно снижались за добычей, и паренек пожелал им приятного аппетита.

---

¹ «*Iron Maiden*» — британская хеви-метал-группа, популярная в начале 1980-х.

К востоку от Качалки простирались плоские пере-
крещивающиеся улочки Инферно. Среди приземистых
кирпичных зданий центрального, «делового» района рас-
положился маленький прямоугольник Престон-парка
с крохотной белой эстрадой, коллекцией кактусов, вы-
саженной городским Советом по благоустройству, и бе-
лым мраморным ослом в натуральную величину. Пар-
нишка тряхнул головой, достал из внутреннего кармана
выгоревшей джинсовой куртки пачку, закурил первую
сигарету. «Идиотское везение, — подумал он. — Про-
жить жизнь в городе, названном в честь осла». Опять-та-
ки скульптура обнаруживала изрядное сходство с мама-
шей шерифа Вэнса.

Выстроившиеся вдоль улиц Инферно деревянные
и каменные дома отбросили на песчаные дворы и рас-
трескавшийся от жары бетон лиловые тени. На Селес-
та-стрит, над стоянкой подержанных автомашин Мэка
Кейда, обвисли многоцветные пластиковые флажки.
Стоянку ограждала восьмифутовая изгородь из метал-
лической сетки, поверх которой шла колючая проволока.
Большой красный плакат призывал: «ВЕДИТЕ ДЕЛА
С КЕЙДОМ, ДРУГОМ РАБОЧЕГО ЛЮДА!» Парнишка
догадывался, что эти машины, все до единой, собраны из
частей краденых автомобилей; самая приличная колы-
мага не смогла бы проехать и пятисот миль. Еще Кейд
активно снабжал мексиканцев наркотиками. Впрочем,
продажа подержанных машин приносила Кейду деньги
лишь на карманные расходы — свой настоящий бизнес
Мэк делал в иной области.

Еще восточнее, там, где Селеста-стрит пересекалась
с Брасос-стрит, на краю парка, отражая огненный шар
солнца, оранжево сияли окна Первого техасского банка.
Три этажа делали его самой высокой постройкой в го-
роде, если не считать видневшегося на северо-востоке
серого экрана «Старлайта» — кинотеатра под открытым
небом. Бывало, усевшись здесь, на Качалке, Коди бес-
платно смотрел фильм, выдумывая свои диалоги, ерни-

чая, дурачась, — словом, развлекался в свое удовольствие. «Да, времена и впрямь меняются», — подумал мальчик. Он затянулся и выпустил пару колечек дыма. Прошлым летом кинотеатр закрыли, обеспечив пристанищем змей и скорпионов. Примерно милей севернее «Старлайта» стояло небольшое блочное здание с крышей, похожей на коричневый струп. Парнишка видел, что засыпанная гравием стоянка пуста, но знал: около полудня она начнет заполняться. Клуб «Колючая проволока» был единственным заведением в городе, приносящим доход. Пиво и виски сполна утоляли боль и обиды.

На световом табло, расположенном на фасаде банка, высветились цифры: 5:57. В следующее мгновение надпись изменилась и сообщила температуру воздуха — 78 градусов по Фаренгейту. На четырех светофорах Инферно замигал желтый предупредительный сигнал, но все они моргали вразнобой.

Мальчик не знал, стоит ли идти сегодня в школу. Возможно, вместо этого он прокатится по пустыне туда, где дорога сходит на нет, или наведается в зал с игровыми автоматами и попытается превзойти собственные достижения на «Метком стрелке» и «Пришельцах из галактики». Он посмотрел туда, где за Република-роуд виднелись средняя школа имени У. Т. Престона и Инфернская бесплатная начальная школа — два приземистых длинных кирпичных здания, напоминавшие парнишке тюрьму, какой ее изображают в кино. За средней школой располагалось футбольное поле, на котором давным-давно выгорела скудная осенняя трава. Ни новой травы, ни новых матчей этому полю не видать. «Все равно, — подумал мальчик, — престонские „Истинные патриоты“ выиграли только два матча за сезон и заняли в округе Президию последнее место. Только кого это колышет?»

Вчера он прогулял, а завтра, в пятницу, 25 мая, старшеклассники учатся последний день. Пытка выпускными экзаменами осталась позади, и мальчика вместе со

всем классом ожидало прощение со школой... если удастся сдать задание по труду. Значит, на сегодня, пожалуй, стоит сделаться паинькой и отсидеть последние уроки или хотя бы заглянуть в школу, узнать, что происходит. Может, Танку, Бобби Клэю Клеммонсу или еще кому захочется свалить куда-нибудь порычать моторами; не исключено также, что потребуется вложить ума сволочным мексикашкам. Если так, он будет счастлив пойти этим поганцам навстречу, честное слово.

Светло-серые глаза мальчика сузились. Когда Коди смотрел на Инферно вот так, сверху вниз, ему становилось тревожно, охватывали злость и раздражение, словно зудела болячка, которую невозможно почесать. Он решил, что причина кроется в многочисленных тупиках. Кобре-роуд длиной в восемь миль пересекалась с Репаблика-роуд и убегала на запад мимо оврага, по дну которого текла река Снейк. За городской чертой улица шла мимо все новых и новых свидетельств провалов и неудач: медного рудника, ранчо Престона, немногочисленных доживающих свои последние дни ферм. Набирающий силу солнечный свет не делал Инферно симпатичнее, выявляя рубцы и шрамы. Выжженный пыльный город умирал, и Коди Локетт понимал, что на будущий год к этому времени здесь не останется ни души. Инферно ожидало забвение — многие дома уже опустели. Их обитатели собрали вещички и отправились на поиски лучшей доли.

С севера на юг, деля город на восточную и западную части, шла Трэвис-стрит. Восточная часть почти сплошь состояла из деревянных обшарпанных, сколько ни крась, домиков, которые в середине лета превращались в раскаленные печи. В западной, где жили владельцы лавчонок и «сливки общества», преобладали дома из белого камня и кирпича-сырца, кое-где во дворах пускали ростки дикие цветы. Но и этот район быстро пустел: каждую неделю еще кто-нибудь сворачивал дела, а среди чахлых бутонов расцветали объявления «ПРОДАЕТСЯ». В север-

ном конце Трэвис-стрит, на другой стороне заросшей повиликой стоянки, возвышалось двухэтажное общежитие из красного кирпича. Окна первого этажа закрывали металлические листы. Дом построили в конце пятидесятых, в пору расцвета города, но теперь он превратился в лабиринт пустых комнат и коридоров, которые заняли, сделав своей крепостью, «отщепенцы» — компания, где верховодил Коди Локетт. Если после захода солнца на территории «отщепенцев» ловили кого-нибудь из «El culebra de cascabel» — «гремучих змей», шайки подростков-мексиканцев, — ему или ей можно было только посочувствовать. А территорией «отщепенцев» считалось все к северу от моста через Снейк.

Так и должно быть. Коди знал, что мексиканцы затопчут кого угодно, дай только волю. Они перехватят работу и деньги да при этом еще и наплюют тебе в рожу. Мексиканцы должны знать свое место и получать по рогам, если переступят границы. Эту нехитрую истину день за днем, год за годом вбивал Коди в голову его папаша. «Эти „мокрые спины“¹, — твердил отец Коди, — все равно что псы, которым надо то и дело давать пинка — пусть знают, кто хозяин».

Но порой Коди задумывался — и тогда не понимал, какой от мексиканцев вред. Они сидели без работы так же, как все остальные. Однако отец Коди твердил, что именно мексиканцы доконали медный рудник. Что они портят все, к чему прикоснутся. Что они уже погубили Техас и не успокоятся, пока не испоганят всю страну. «Еще немного, и стервецы начнут трахать белых женщин прямо на улицах, — страшал Локетт-старший. — Напипать им по первое число, пусть попробуют на вкус пылицу!»

Иногда Коди верил отцу, иногда нет. Это зависело от настроения. Дела в Инферно обстояли плохо, и парнишка понимал: в душе у отца тоже неладно. «Возможно,

---

¹ «Мокрая спина» — уничижительное название нелегальных эмигрантов-латиноамериканцев в США.

легче дать под зад коленом мексиканцу, чем позволять себе слишком много думать», — рассуждал он. Так или иначе, все свелось к задаче не пускать «гремучек» в Инферно после захода солнца — эта обязанность перешла к Коди от шести предыдущих «президентов» банды «отщепенцев».

Коди встал и расправил плечи. Солнце освещало его кудрявые русые волосы, коротко подстриженные на висках и лохматые на макушке. В левом ухе блестела сережка — маленький серебряный череп. Тело юноши отбрасывало длинную косую тень. В нем было шесть футов роста, долговязый и крепкий, он казался недружелюбным, как ржавая колючая проволока. Лицо парнишки складывалось из жестких углов, мягкость полностью отсутствовала — острый нос, заостренный подбородок. Даже густые светлые брови сердито щетинились. Он мог переиграть в гляделки змею и поспорить в беге с зайцем, а ходил таким широким шагом, словно намеревался перемахнуть границы Инферно.

Пятого марта ему исполнилось восемнадцать, и он понятия не имел, что делать дальше. Думать о будущем не хотелось. Загадывать не стоило. Грядущее представлялось мрачным нагромождением теней. Поступить в колледж с такими отметками нереально, а на техническую школу не хватало денег. Старик пропивал все заработанное в пекарне и большую часть того, что Коди приносил домой со станции «Тексако». Но Коди знал, что заливка бензина и возня с машинами от него никуда не денутся, пока ему самому не надоест. Мистер Мендоса, хозяин автозаправочной станции, был единственным хорошим мексиканцем, которого он знал.

Взгляд Коди скользнул к югу, за реку, к домишкам Окраины, мексиканского района. У четырех ее узких пыльных улочек не было названий, только номера, и все они, за исключением Четвертой, заканчивались тупиками. Самой высокой точкой Окраины был шпиль католической церкви Жертвы Христовой, увенчанный крестом, блестящим в оранжевом свете солнца.

Четвертая улица вела на запад, к автомобильной свалке Мэка Кейда — двухакровому лабиринту из корпусов автомобилей, сваленных грудями деталей машин, штабелей старых покрышек, обнесенных оградой мастерских и бетонных ремонтных ям. Все это окружал девятифутовый глухой забор из листового железа, а поверху тянулось еще фут страшной гармошки — колючей проволоки. Коди было видно, как за окнами мастерских вспыхивают факелы электросварки; визжал пневматический гаечный ключ. На территории автодвора в ожидании погрузки стояли три гусеничных трейлера. У Кейда работали круглосуточно, в несколько смен, и благодаря своему предприятию он уже обзавелся громадными кирпичными хранилищами в стиле модерн, с бассейном и теннисным кортом. Резиденция Мэка находилась двумя милями южнее Окраины, то есть ближе к мексиканской границе, чем к городку. Кейд предлагал Коди поработать на автодворе, но тот кое-что знал о Мэковых делишках и к такому тупику еще не был готов.

Коди повернулся спиной к солнцу (тень опустилась ему под ноги) и скользнул взглядом вдоль темной полоски Кобре-роуд. В трех милях от Качалки рыжел огромный, похожий на рану с омертвевшими, изъязвленными краями зев медного рудника Горнодобывающей компании Престона. Кратер окружали пустые здания контор, очистной корпус с алюминиевой крышей, заброшенное оборудование. Коди пришло в голову, что оно напоминает останки динозавров с сожженной солнцем пустыни шкурой. Минувя кратер, Кобре-роуд уходила в сторону ранчо Престона, следуя за вышками высоковольтной линии на запад.

Юноша опять посмотрел вниз на тихий город (население около тысячи девятисот человек быстро сокращалось), и ему почудилось, будто он слышит, как в домах тикают часы. Солнце прокрадывалось за ставни и занавески, чтобы огнем располосовать стены. Скоро зазвонят будильники, поднимая спящих навстречу новому дню.

Те, у кого есть работа, оденутся и, повинувшись течению времени, приступят к трудам праведным либо в последних магазинах Инферно, либо на севере — в Форт-Стоктоне и Пекосе. А в конце дня, подумал Коди, все вернется в свои домишки, вопьются глазами в мерцающие экраны и станут, как умеют, заполнять пустоту, пока часы, будь они неладны, не шепнут: пора на боковую. И так день за днем, ныне и присно, до той минуты, когда окончательно закроются все двери и уедет последняя машина... А потом здесь останется только пустыня, которая, разрастаясь, возьмет штурмом улицы.

— Ну а мне-то что? — Коди выпустил из ноздрей дым сигареты.

Он знал: тут для него ничего нет и никогда не будет. Если бы не телефонные столбы, дебилные американские и еще более тупые мексиканские телепередачи да звучащая из приемников двуязычная болтовня, можно было бы подумать, что от этого проклятого города до цивилизации тысячи миль. Он окинул взглядом Брасос-стрит с ее домами и белой баптистской молельней. Узорчатые кованые ворота в самом конце вели на местное кладбище — Юкковый Холм. Его действительно затеняли чахлые юкки, над которыми поработал скульптор-ветер, но это скорее был бугор, чем холм. Юноша ненадолго задержал взгляд на надгробиях и старых памятниках, потом снова присмотрелся к домам. Большой разницы он не заметил.

— Эй, чертовы зомби! — крикнул парнишка, повинувшись внезапному порыву. — Подъем! — Голос Коди раскатился над Инферно. Ему вторило эхо собачьего лая. — Таким, как ты, я не буду, — твердо сказал он, зажав сигарету в углу рта. — Клянусь Богом, нет.

Он знал, к кому обращается, поскольку, произнося эти слова, не сводил глаз с серого деревянного дома у пересечения Брасос-стрит с улицей под названием Сомбра. Коди догадывался: старик даже не ведает, что он вчера не пришел домой ночевать, — впрочем, папаше все

равно наплевать на это. Отец Коди нуждался лишь в бутылке и месте для сна.

Юноша взглянул на школу имени Престона. Если он сегодня не сдаст задание, Одил может устроить ему веселую жизнь, даже сорвать к чертям выпуск. Коди терпеть не мог, когда какой-нибудь сукин сын в галстук-бабочке заглядывал ему через плечо и поучал, что и как делать, поэтому нарочно трудился с проворством улитки. Однако сегодня работу нужно обязательно закончить. Коди понимал: за те шесть недель, что ушли у него на паршивую вешалку для галстуков, можно было смастерить мебель для целой комнаты.

Солнце сверкало ослепительно и пекло немилосердно. Яркие краски пустыни начинали блекнуть. По шоссе 67 в сторону города ехал грузовик с непогашенными фарами, он вез утренние газеты из Одессы. На Боуден-стрит с подъездной аллеи задним ходом выбрался темно-синий «шевроле», и какая-то женщина в халате помахала мужу с парадного крыльца. Кто-то открыл дверь черного хода и выпустил бледно-рыжего кота, немедленно погнавшего кролика в заросли кактусов. На обочине Република-роуд ныряли за своим завтраком канюки, а другие хищные птицы неспешно кружили над ними в медленно струящемся воздухе.

Затянувшись в последний раз, Коди выбросил сигарету. Он решил перед школой немного подкрепиться — в доме могли завалиться черствые пончики.

Повернувшись к Инферно спиной, парнишка стал осторожно спускаться по камням к красной «Хонде-250». Ее он два года назад своими руками собрал из утиля, купленного на свалке Кейда. Он много чего продал тогда Коди, а у того хватило ума не задавать вопросов. Регистрационные номера с мотора «хонды» были стерты, как исчезали почти со всех двигателей и частей корпусов, которыми торговал Мэк Кейд.

Внимание юноши привлекло еле уловимое движение у его правой ноги, обутой в ковбойский сапог. Коди остановился.

Тень паренька легла на небольшого коричневого скорпиона, припавшего к плоскому камню. На глазах у Коди членистый хвост изогнулся кверху и жало пронзило воздух — скорпион защищал свою территорию. Коди занес было ногу, чтобы отправить гаденыша в вечность.

И на миг замер, не опуская ноги. От усиков до хвоста в насекомом было всего около трех дюймов, и Коди понимал, что раздавит скорпиона в два счета, но храбрость этого создания восхитила его. Оно сражалось с гигантской тенью за кусок камня в выжженной пустыне. «Глупо, — размышлял Коди, — но смело». Сегодня и так в воздухе слишком сильно пахло смертью, и Коди решил не добавлять.

«Все твое, amigo»¹, — сказал он и прошел мимо. Скорпион вонзил жало в удаляющуюся тень.

Коди устроился на заплатанном кожаном седле. Хромированные выхлопные трубки пестрели тусклыми пятнами, алая краска облетела и полиняла, двигатель порой пережигал масло и капризничал, но все же мотоцикл уносил Коди, куда ему было угодно. Далеко за пределами Инферно, на шоссе 67, юноша выжимал из «хонды» семьдесят миль в час, и мало что доставляло ему большее наслаждение, чем хриплое урчание мотора и свист ветра в ушах. Именно в такие минуты, со всей полнотой ощущая независимость и одиночество, Коди чувствовал себя необычайно свободным, потому что знал: зависеть от людей — губить собственные мозги. В этой жизни ты одинок, так что лучше учись находить в этом удовольствие.

Он снял с руля и натянул защитные очки-консервы, сунул ключ в зажигание и с силой нажал на стартер. Мотор выстрелил сгустком жирного дыма. Мотоцикл задрожал, словно не желая пробуждаться. Потом машина прыгнула, точно верный, хоть подчас и упрямый конь, и парнишка покатиł вниз по крутому склону в сторону

---

¹ Друг (*исп.*).

Аврора-стрит; за ним тянулся шлейф желтой пыли. Не зная, в каком состоянии найдет сегодня отца, Коди был настороже. Может быть, удастся прийти и уйти так, чтобы старик не заметил.

Коди взглянул на прямое как стрела шоссе и поклялся, что очень скоро, может быть, сразу после выпускного вечера выведет «хонду» на эту проклятую дорогу и помчится на север, куда уходят телефонные столбы, и ни разу не оглянется на то, что покидает.

«Я не стану таким, как ты», — поклялся юноша.

Но в глубине души он опасался, что будет видеть в зеркале лицо, с каждым днем все больше похожее на отцовское.

Он прибавил газу и так рванул по Аврора-стрит, что заднее колесо оставило на асфальте черный след.

На востоке висело жаркое красное солнце, в Инферно начинался новый день.

Маккаммон Р.

М 15 Кусака : роман / Роберт Маккаммон ; пер. с англ. Е. Александровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 608 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-23792-6

В тexasском городке стоит такая жара, что его название Инферно кажется совершенно оправданным. Он пустеет с каждым днем, люди уезжают отсюда в поисках лучшей жизни... и правильно делают, потому что однажды в Инферно начинается самый настоящий ад. Из иного мира является охотник, безжалостный хищник, наделенный нечеловеческим разумом, не знающий ни страха, ни поражения. Ему нет никакого дела до землян, он идет по следу беглеца — хранителя, принявшего облик кого-то из местных жителей, которым придется сплотиться против наступающего ужаса, иначе каждого из них поодиночке достигнет страшный конец.

Динамичный, головокружительный хоррор от Роберта Маккаммона, лауреата премии Брэма Стокера!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ МАККАММОН
КУСАКА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.08.2023. Формат издания 76 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 26,79. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Н-МВВ-32748-01-Р